

«НЕМЕЦКАЯ НАРВА» И «МЕРТВАЯ НАРОВА» НА НОВОМ ВИТКЕ ПОЛЕМИКИ*

«А Вы уверены, что это немецкий язык?» — обескуражено спросила меня заведующая кафедрой немецкого языка одного из российских университетов, к которой я, еще будучи аспиранткой, обратилась за консультацией по поводу одной ганзейской грамоты XV века. И действительно, средненижнегерманский диалект (*Mittelniederdeutsch*) исторического немецкого языка XIV–XV веков, который мы подчас называем «ганзейским», настолько своеобразен и отличен от литературного немецкого языка наших дней, что профессионал-германист легко примет его за самостоятельную, ему неизвестную языковую систему. Скажем больше: он немало отличается и от современных ему средневековых немецких диалектов, сформировавшихся естественным путем в землях Германии и наряду с латынью фигурировавших в качестве языков княжеских и городских канцелярий. Существует предположение, что средненижнегерманский диалект явился продуктом деятельности ганзейских контор Новгорода, Лондона, Брюгге и норвежского Бергена, куда прибывали купцы из разных городов Ганзейского региона, для облегчения делового общения нуждавшиеся в общепонятном профессиональном сленге (*lingua communis*)¹. К концу XIV века он вытеснил латынь из купеческой корреспонденции, а также обрел признание ганзейцев в качестве языка рецессов (протоколов) ганзетагов и уставов купеческих контор.

Этот «суржик», возникший путем взаимодействия ряда исторических нижнегерманских диалектов и латыни, а в случае с его новгородской разновидностью еще и русского

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 23-18-00166, проект «Русско-ганзейская «необычная торговля» в условиях балтийских конфликтов конца XV–XVI века».

¹ *Schröder I.* Der Beitrag der Sprachgeschichtsforschung zu einer Hansegeschichte in der Region // *Hansegeschichte als Regionalgeschichte* / Hg. v. O. Auge. Frankfurt a. M. [u. a.], 2014. 2014. S. 173–186.

языка², имел своеобразную письменную фиксацию, временами создающую проблемы для современного исследователя ганзейской документации. Традиции «звукового письма» — пишем, как слышим, при различном произношении — дополнялись особой орфографией с характерной вариативностью лексических форм и отсутствием нормативов в правописании³. Написание средненижнемецких слов допускает чередование гласных, замену их дифтонгами и наоборот, озвончение или оглушение согласных, их дублирование букв или замену дублей одной буквой, введение дополнительных буквенных знаков, из-за чего слова порой меняются до неузнаваемости, неупорядоченное употребление прописных букв, что при отсутствии или произвольности в расстановке знаков препинания затрудняет выделение предложений и смысловых блоков. Весьма распространенным явлением в средненижнемецких текстах является сокращение слов (иногда без указывавшего на то знака — надстрочной тильды или точки) и опущение слогов, особенно распространенных в широко употребляемых и хорошо известных людям тех времен словах и словосочетаниях: *na der (ge)bort unses Heren* — после Рождества Господа нашего; *(ge)mene Novgarden* — весь Новгород; *V(la)meschen laken* — фламандские сукна и др.

Произвольность написания слов, к примеру, сопровождалась появлением многочисленных вариаций наименований Новгорода в ганзейских и ливонских текстах — *Nogardia* (лат.), *Novgarden*, *Novgarten*, *Nuwart*, *Nouwerde*, *Nouwerden*, *Nogard*, *Nogarden*, *Naugarden*, *Noghardeni* др. Ввиду звуковой природы и многообразия написания средненижнемецкие слова иногда трудно идентифицировать, особенно в случаях их непривычного облика или обманного созвучия с современными немецкими словами. Непросто сообразить, например, что слово *kummelter* обозначает комтура, *tiit* — *Zeit* (время), *weten* — *wissen* (знать), *doke* — *Tücher* (сукна), *schulle* — школа, но *solle* (следует, необходимо), а *Mergenborch* — какой-то «утренний замок», а крепость Мариенбург (Алуksне) в Ливонии. При таком положении дел терминологические споры между исследователями являются делом обычным. Два крупнейших отечественных специалиста, которым мы во многом обязаны знакомством с ганзейскими письменными источниками, И. Э. Клейненберг и Н. А. Казакова, в свое время расходились во мнениях по поводу выражения *na partall* из русско-ганзейского договора 1487 года, но в конечном итоге Наталья Александровна признала правоту коллег⁴.

В настоящее время предметом разногласий является словосочетание *de dode Narwa*, которое встречается в четырех тематически связанных друг с другом ганзейских документах ливонского происхождения 1408–1409 годов, касающихся инцидента, случившегося в окрестностях Нарвы. Письмо купцов с Немецкого подворья магистрату Ревеля от 21 июля 1408 года гласит: «Когда Бернд [фон Вреде, он же Фелен] выехал из Новгорода, в Нарве одна компания сговорилась, буде то возможно, учинить нападение на русских и немцев (*dudeschen*) *in der doden Narwe*. А потому мы дружески просим вас дать в этом деле мудрый совет, как в связи с этим немецким (*dudesche*) купцам [в Новго-

² *Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н.* Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов. Москва, 2002. 368 с.

³ *Сквайрс Е. Р.* Нидерландский и нижне немецкий: Хрестоматия по истории языков. М., 2008–2009. 240 с.

⁴ *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в Ленинград, 1975. С. 191–192 (сноска 19).

роде] избежать беды»⁵. Происшествие, по всей видимости, случилось в конце 1407 года, когда предприимчивый и далеко не самый законопослушный торговый агент (гезелле) Бернд фон дем Вреде⁶ покинул Немецкое подворье в Новгороде. Там он торговал солью в нарушение запрета, принятого купцами подворья «на Якоба» [25 июля] 1407 года, за что у него отобрали товары; в 1408 году в поисках правды он добрался до Любека, но был арестован магистратом по инициативе любекской корпорации «новгородских гостей»⁷. В письме от 11 июля 1408 года они уведомили о том власти Ревеля, сообщив, что действовали с полным на то основанием (*mit rechte*), поскольку «он [Вреде] забрал товары у русских *in der doden Narwe*» (*den Russen ere gud genomen hadde in der doden Narwe*) и тем самым осложнил пребывание ганзейцев в Новгороде⁸.

История имела продолжение. 24 мая 1409 года купцы новгородского Немецкого подворья написали ревельскому городскому совету о предполагаемом посольстве новгородцев к ливонскому магистру Конраду фон Фитингхофу, уполномоченном обсудить вопрос о товарах, которые у новгородцев забрали *in der doden Narwe*, и о действиях в связи с тем фогта Нарвы, как представителя орденской администрации. Отправители письма были уверены, что возмещение ливонской стороной причиненного ущерба не избавит ганзейских купцов в Новгороде от изъятий их товаров новгородцами «разбойным образом» (*roves gewiis*) и во избежание того собирались покинуть Немецкое подворье⁹. Следом появилось письмо ливонского магистра¹⁰ к «посадникам и добрым людям и всем черным людям (*swarthavende*) Новгорода», датированное 1409 годом, в котором говорилось: «Вы арестовали и удерживаете у себя товар, принадлежащий немецким (*Duschen*) купцам из-за товаров, которые шведы забрали *in der doden Narwe* и где-то там еще» (*dat de Sweden in der doden Narwe und ok anderswor <...> genomen hebben*). При этом магистр уверял адресатов, что в том его вины нет, поскольку «это случилось на <...повреждение текста...> стороне и, к сожалению, не только у вас, но и у многих других купцов шведы тем же путем забрали товар»¹¹. Из других документов, связанных с этим делом, становится ясно, что Берндт фон дем Вреде прибыл в Новгород из Швеции и, по его собственным словам, являлся торговым агентом (*dener*) шведского

⁵ «*Synt der tiid, dat Bernd van Novg(arden) toch, wo dat sik ene geselschop to der Narwen vorgadderen wille uppe russen unn up dudeschen in der doden Narwe, ofte wor se moghen, anevank to donde. Hir inne bidde wy ju vrentliken, dat gi juwen wisen rad an disse sake keren willet, also dat des de dudesche kopman neynen schaden en neme*» (Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 1 (далее — LEKUB 1) / Hg. v. F.G. v. Bunge. Reval: in Commission bei Kluge und Ströhm, 1859. Bd. 4. № 1765. Sp. 630).

⁶ Ушаков А. В. Дело Бернда фон Вреде в контексте «необычной торговли» в Великом Новгороде начала XV века // Вестник Нижегородского университета. 2021. № 4. С. 84–92.

⁷ LEKUB 1. Bd. 4. № 1763. Sp. 628.

⁸ LEKUB 1. Bd. 4. № 1788. Sp. 656–657.

⁹ LEKUB 1. Bd. 4. № 1796. Sp. 663–666.

¹⁰ Письмо анонимное, авторство установлено по содержанию послания и месту его составления в Риге, где находилась резиденция краевого магистрата.

¹¹ «*van dat gud, dat gi bi ju besat und beholden hebben, dat Duschhen kopluden tobehoret, dat gi gedan hebben um des gudes willen, dat de Sweden in der doden Narwe und ok anderswor <...> genomen hebben, und gi doch wol weten mogen, dat et sunder unse schult up <...> siden gescheen is und leider nicht allent ju, sunder ok velen anderen kopluden, den de Sweden des sulven weges ut er gut genomen hebben*» (LEKUB 1. Bd. 4. № 1797. Sp. 666–667).

фогта в Выборге Торда (Турда) Бунде Рёрикессона¹², а потому товары, что были изъяты у него на Немецком подворье, принадлежали этому высокопоставленному должностному лицу. Следствием этого и стал захват близ Нарвы товаров новгородцев и ганзейцев из Ревеля шведами, служащими «господина Турда» (*her Turbunden denere*)¹³, которых новгородцы считали поделщиками Вреде. Торд Бунде, хоть и отрицал причастность к нападению, но выступал фигурантом дела о захваченных товарах и от него зависело их возвращение законным владельцам¹⁴.

Поскольку все четыре документа, где встречается выражение *in der doden Narwe*, относятся к одному инциденту, можно говорить об его единокатном употреблении. В сохранившихся ливонских и ганзейских документах рубежа XIV–XV веков (как и более поздних) такого выражения не обнаруживается, что затрудняет его толкование. Помимо этого его толкование затруднет еще и соименность города Нарвы (*Narvia, Narva/Narwa, Narwe, Narbe*), основанного датчанами в XIII веке на границе с землями Великого Новгорода¹⁵ и позже перешедшего к ливонскому отделению Немецкого ордена, и реки, на которой он расположен (*Narvia, Narva/Narwa, Narve/Narwe, Narowe, Narbe*). В редких случаях река оговаривается особо — *ad fluvium Narwa* (на реке Нарве), *bi flot geheten Narwa* (у реки под названием Нарва) или *in water geheten de Narwe* (на реке под названием Нарва). Между тем, предлог *in* в выражении *in der doden Narwe* указывает именно на реку Нарву/Нарову, поскольку нахождение кого-то или чего-то в городе или орденском замке Нарва в средненижненемецких текстах рубежа XIV–XV веков передавалось посредством предлога *to* (*zu*): *to Narwe, tor Narwe, to der Narwe*. Предлог же *in* обычно указывал на пребывание в каких-то пространственных пределах, в частности, в русле реки, ограниченном берегами.

Основная интрига тут, впрочем, касается определения *dode*, которое обычно мы переводим как *tot* (мертвый), откуда естественным путем возникает название «мертвая Нарва/Нарова». Эстонский журналист и политик А. Сювалеп, автор популярной истории города Нарвы 1936 года, усмотрел в нем обозначение старого русла реки, старицы, полагая, что речь идет о р. Куллакюла (рус. Мертвица), левом притоке Луги в Новгородской земле¹⁶. Сторонником этой гипотезы в настоящее время выступает П. В. Лукин¹⁷. Несомненно, торговля новгородцев и ганзейцев на Луге (*Lauke*) в то время уже активно велась, но топонима *dode Narwe* в связи с тем ливонские источники не знают; к тому же сама реплика вполне определенно указывает не на Лугу или ее притоки, а на Нарву/Нарову. Выявление же обстоятельств дела дает понять, что в ходе возникшего разбирательства камнем преткновения стала степень ответственности за случившееся ордена, в чем не было бы смысла, если бы речь шла о бассейне Луги. отождествление «мертвой Наровы» с рекой Куллакюлой, произведенное Сювалепом, не выдерживает критики.

¹² LEKUB 1. Bd. 4. № 1781. Sp. 649–650.

¹³ LEKUB 1. Bd. 4. № 1773. Sp. 642.

¹⁴ LEKUB 1. Bd. 4. № 1775. Sp. 644.

¹⁵ Год основани Нарвы не вполне ясен, но первое его упоминание в зарубежных источниках датируется 1277 годом (*Süvalep A. Narva ajalugu I. Taani- ja orduaeg. Toim. A. Soom. Tartu: Postimees, 1936. lk. 11*).

¹⁶ *Süvalep A. Narva ajalugu I. lk. 31–33*.

¹⁷ Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова. 1392–1409 гг. / Сост. П. В. Лукин, С. В. Полехов, Е. Р. Сквайрс. М.; СПб., 2021. С. 167.

Историк ссылается на послание ливонского магистра Вильгельма фон Фраймерсхайма от 31 октября 1374 года, в котором тот жалуется жителям Нарвы ряд привилегий и среди них право торговли на реке Хакейекке. В ней А. Сювалеп и предлагает видеть Куллакюла (Мертвицу) на том основании, что корень *hake* в ее названии по-немецки означает «крюк», а Куллакюла имеет извилистое русло¹⁸, не принимая во внимание, что название Хакейекке явно не немецкое, а финно-угорское (эст. *jõgi*, «река»). Признать идентичность Хакейекке и Куллакюлы (Мертвицы) мешает также содержание привилегии магистра¹⁹, а, главное, сомнительность его права осуществлять пожалования в землях Господина Великого Новгорода.

Между тем, составители и редакторы 4-го тома «Собрания ливонских, эстонских и курляндских документов», откуда нами взяты цитаты по делу Вреде, в терминологическом указателе доводят до сведения читателей, что слово *dude*, в нашем случае *dode* (взаимозаменяемость букв *o* и *u* в средненижнемецком языке дело обычное²⁰), является вариантом написания *dudesch* или *dusch*, то есть *deutsch* (немецкий)²¹. Такое же толкование дано в большом словаре средненижнемецкого языка К. Шиллера и А. Люббена²² и в кратком средненижнемецком словаре²³. Формы *dudesch* и *dusch* были особо распространены в ганзейской переписке XIV–XV веков, часто встречаются в договорных грамотах, включая знаменитый Нибуров мир 1392 года²⁴, преобладают в 1–4 редакциях Новгородской шры (шраги, скры), устава новгородского Немецкого подворья²⁵. Все это не исключало и других способов написания: *dyscen copmanne* (немецкие купцы), *tutsche herren* (немецкие господа), *mene Duschge kopman* (все немецкие купцы), *twe Ducze* (два немца), равно как и *deutsche*, *duske*, *dodisch* и др. Выражение *to dude unde to latine* («по-немецки и по-латыни») встречается в Любекской городской хронике конца XIV века²⁶, составленной в зоне распространения средненижнемецкого наречия. В рукописном нижнемецком варианте латинской хроники Германа Корнера XV века также можно прочесть: «*In wendescher*

¹⁸ *Süvalep A. Narva ajalugu I. lk. 21.*

¹⁹ «А также мы жалуем им [нарвцам] свободу нахождения на реке под названием Хакейекке, свободно приходить туда и торговать пивом за наличные и мерами» (*Ok so gunne wi en des, dat se vri leger hebben mogen opp der beke, de geheten is Hackejecke, und dar to komende und to beir kopende und mit redem gelde of mit bere*). Пиво разрешалось продавать котелками, кувшинами, чарками, но не бочками на вывоз под страхом штрафа. Никто не смел мешать служащим фогта, который, «как и прежде», отвечал там за порядок и судопроизводство (LEKUB 1. Bd. 3. Reval: Laakmann Verlag, 1857. № 1907. Sp. 290–291).

²⁰ *Kunthoer/contor* (контора), *tune/tonne* (бочка), *don/thun* (делать), *botter/butter* (масло). Имя фигурировавшего в деле Вреде выборгского фогта также пишется то *Torn*, то *Turn* (*Thurner*).

²¹ LEKUB 1. Bd. 4. S. 926.

²² *Schiller K., Lübben A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bde. 1–6. Bremen: Kührtmann Verl., 1875–1881. Bd. 1. S. 590–591.*

²³ *Lübben A. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Norden, Leipzig: Academic in Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1885–1888. 599 S.*

²⁴ LEKUB 1. Bd. 3. № 1392. Sp. 693–694.

²⁵ *Schlüter W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom 13. bis 17. Jahrhundert. Dorpat: [o. V.], 1911. 145 S.*

²⁶ *Die lübeckischen Chroniken in niederdeutscher Sprache / hg. v. F. H. Grautoff. Hamburg: Kletke Verlag, 1829. Bd. 1. S. 406.*

tungen Stargart, dat is en olt stad to dude) («на вендском языке Старград означает то же, что и старый город по-немецки»)²⁷.

Возвращаясь к вышеприведенным ганзейским источникам, обратим внимание на употребление в них форм *dudesch/dusch* применительно к немцам или чему-то немецкому, тогда как определение *dode* присутствует лишь в выражении *in doder Narwe*, что вроде бы мешает толковать его как «немецкая Нарва». Это противоречие, однако, исчезнет, если выражение *in doder Narwa* считать идиомой, понятной носителям языка и тем, кому она была хорошо знакома, которая, возможно, была позаимствована из какого-то раннего источника, связанного с иной, нежели средненижнемецкая, письменной традицией. В этой связи уместно вспомнить, что с XIII века Северная Эстония являлась владением датских королей, и возникновение таких форм слова «немецкий», как *duške, duske, dysce, Ducze*, полностью исчезнувшие в более поздних средненижнемецких текстах, объясняется влиянием датского языка (совр. *tysk*). Официальным же канцелярским языком Эстонии времен датского владычества являлась латынь, на которой, в частности, составлены все акты, касающиеся Тевтонского ордена и процесса передачи ему северозападных областей Гарриэна (Харьюмаа) и Вирлянда (Вирумаа) вместе с Ревелем и Нарвой, о чем речь пойдет дальше. Сейчас же заметим, что в подавляющем большинстве канцелярских документов полное название Тевтонского ордена в Ливонии (*domus fratrum Theutonicorum Ierosolimitarum per Livoniam*) приводится в сокращенном виде (*domus Theuton. Ierus.*), где слово «тевтонский» («немецкий») преобразовано в *Theuton.* или даже в *Theut.* С учетом норм немецкой фонетики и замены буквы *t* на более характерную для немецкого языка *d* мы получим звуковой вариант [*dojdo*], близкий к предмету нашего разговора *dode*. Признав логику наших рассуждений, мы получаем ответ на вопрос о присутствии в одной средненижнемецкой фразе разных написаний слова «немецкий», как *dode* и как *dudesch*, поскольку в первом случае уместно толковать его как «тевтонский», «орденский», то есть связанный с зоной орденской юрисдикции.

Река Нарова традиционно представляла собой границу Руси/России с ее западными соседями. Размежевание Принаровья состоялось, однако, лишь в XV веке, когда границу установили по «стержню» реки, конфигурация которого и сейчас не вполне понятна²⁸. Но еще до демаркации утвердились представления о немецкой стороне реки, Немцкой Нарве — в более поздние времена будет употребляться название Ливонская Нарва (*Eyfflendische Narve*)²⁹ — и о русской стороне, которая позже будет именоваться «русской стороной напротив Нарвы» (*Russche sidhe gegenüber Narva*)³⁰. В четвертом документе нашей подборки ливонский магистр, желая оправдаться от обвинений в попустительстве шведским содельникам Берндта фон дем Вреде («вы знаете, что в том не было моей вины»), пишет, что дело «случилось на <...повреждение текста...> стороне (*siden*)», при этом намекает, что все произошло не в «Тевтонской Нарве», а в другом месте. Досадный дефект мешает уточнить его расположение, хотя логично полагать, что магистр хотел

²⁷ [Korner H.]. *Chronica novella des Hermann Korner*. Österreichische Nationalbibliothek (Wien). Cod. 3048, fol. 55v.

²⁸ Клейнберг И. Э. Борьба Новгорода Великого за Нарову в XV веке // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. № 2. С. 140–151.

²⁹ Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 2 / hg. v. L. Arbusow (далее — LEKUB 2). Riga, Moskau: Kommisions-Verlag v. J. Deubner, 1910. Bd. 2. № 262. S. 183.

³⁰ LEKUB 2. Riga, Moskau: Kommisions-Verlag v. J. Deubner, 1914. Bd. 3. № 169. S. 117.

указать на русский берег Наровы, ему неподвластный. Это подтверждает более раннее его письмо. После известного происшествия, 20 сентября 1408 года, магистр отвечал на запрос магистрата Ревеля, будто «русские на нашей [орденской] земле в пределах нашей ответственности (*binnen unsem geleide*) [шириной] в шесть миль на этой [немецкой] стороне Наровы были ограблены группой служащих господина Турбундена [Торна Бунде], а их товары украдены» (*de Russen in unserem lande binnen unsem geleide sees mile uf desse ziit der Narwe van ener partie, de her Turbunden denere geweset sin, berovet und entweldiget eres gudes*)³¹. Ясно, что речь идет о прошествии *in doder Narwa*, хотя само название тут не упомянуто. Глава ордена выразил сожаление по поводу обиды русских купцов, но заметил, что «сфера нашей ответственности тем самым не была нарушена, поскольку она не простирается выше того, что мы хотим и повелеваем делать ради нашего [ордена]» (*doch en is unse geleide dar nicht mede gebroken, wente sich dat nicht hoher strecket, dan an de gene, de umme unsen [orden] willen don und laten willen*); попутно он сослался на свою неосведомленность ввиду занятости делами ополчения (*malwe*)³². Магистр разграничивает «дела купцов», которые, по его мнению, не должны касаться орденской администрации, и «дела земли», то есть орденского государства, но при этом предоставляет нам важные сведения о береговой полосе шириной в шесть миль как зоне ответственности ордена — отправной точкой отсчета, надо думать, была виртуальная линия, которую позже назовут «стержнем». Фогт Выборга Торд Бунде, товары которого дали повод к раздору, в свой черед, 4 мая 1409 года писал в Ревель, что инцидент с захватом его служащими русских товаров «случился без его распоряжения на русской стороне, а не на орденской земле» (*dat it were scheen up der Russen side und nicht in des ordens lande*)³³. Будучи уверенным в достоверности полученных им сведений, он про *de dode Narwe* вообще не упоминает, равно как магистр, который в первом своем послании о ней не пишет вовсе, а во втором использует название исключительно в качестве антитезы — мол, не *in doder Narwe* все случилось, а на русской стороне.

Таким образом, по поводу данного инцидента ревельцы вместе с пострадавшими новгородцами в качестве места происшествия называют «немецкую Нарву», общеизвестную в качестве зоны орденской ответственности, в то время как глава ордена и поддержавший его «господин Торн» указывают на «русскую сторону». Подобная дилемма естественна для пограничной реки, которая представляла собой своеобразный фронтир³⁴ как пространство совместного использования с весьма условным разграничением в виде «стержня» между двумя сторонами, чем, кстати, можно объяснить использование в выражении *in doder Narwa* предлога *in*, а не *up* (*auf*, *na*), *to* (*zu*, *na*) или *bi* (*bei*, *y*), более часто встречающиеся в «ганзейском» наречии в связи с упоминанием рек. «Стержень» реки внешне плохо распознаваем, и потому зримым образом разделенных им сторон, немецкой и русской, являлись речные берега. Хорошо известно, что основанный в 1492 году по воле великого князя Ивана III на русском берегу

³¹ LEKUB 1. Bd. 4. № 1773. Sp. 642.

³² Ibid.

³³ LEKUB 1. Bd. 4. № 1791. Sp. 658–659.

³⁴ О границе фронтирного типа см.: Бессуднова М. Б. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Воронеж, 2016. С. 68–71.

Ивангород у ливонцев практически сразу получил наименование Русского замка (*dat Russche sloth*)³⁵, и даже Русской Нарвы³⁶ или Новой Нарвы³⁷, поскольку маркировал русскую сторону Наровы не хуже, чем в отношении немецкой стороны это делала «Нарва немецкая».

Если остановиться на толковании выражения *de dode Narwe* как «немецкая Нарва», которое я использовала в своей публикации³⁸, и связать его с немецкой стороной Наровы как зоной орденской юрисдикции, то за дополнительной информацией следует обратиться к договоренностям по размежеванию наровской границы, которые предшествовали нашумевшему делу Берндта фон дем Вреде «со товарищи» 1407–1409 годов. Сложность состоит в том, что проблемы пограничья относились к «делам земли», подведомственным местным государям (ландсгеррам), к кругу которых принадлежал Ливонский орден, и мало соотносились с «делами купцов», вследствие чего оставили лишь слабый след в ганзейских источниках XIV начала XV века, сохранившихся в больших объемах, чем документальная продукция орденской канцелярии. Р. Сими́нский полагает, что демаркация пограничных территорий обычно следовала за подвижками в их хозяйственном и/или административном обустройстве по обе стороны от будущего рубежа³⁹, что полностью подтверждается историей становления Нарвской границы. В эпоху датского владычества Нарва довольно редко упоминалась в письменных источниках, поскольку была всего лишь небольшой пограничной крепостью (*wicbilde*) на пересечении торговых путей. С переходом же в 1346 году к Ливонскому ордену она быстро превратилась в центр орденского округа (гебита), динамично развивавшегося благодаря транзитной торговле и многоотраслевому домениальному хозяйству⁴⁰. К тому времени Новгород, со своей стороны, в пределах примыкавшей к Нарове Водской пятины уже совершил переход от архаичной системы данничества к ее феодальному и государственному освоению⁴¹. Все это объясняет, почему упоминания об установлении пограничного рубежа по Нарове появляются только в XV веке. Первый известный нам договор такого рода был заключен в 1420 году послами новгородского князя Константина Дмитриевича и ливонским магистром Зигфридом Ландером фон Шпонхеймом при участии представителей ливонских городов, включая Нарву. В договоре отмечено, что его условия соответствуют старине, согласно которой, «земля и вода Новгорода

³⁵ LEKUB 2. Bd. 1. № 400. S. 285 и др.

³⁶ «Русские бежали в свою Нарву» (*Die Reuszen haben geflogen nach irer Narve*). 1502 год (LEKUB 2. Bd. 2. № 262. S. 184).

³⁷ LEKUB 2. Bd. 3. № 337. S. 245.

³⁸ Бессуднова М. Б. Русская Ганза. Жизнь Немецкого подворья в Новгороде, 1346–1521 годы. Письма и материалы. СПб.: Евразия, 2019. С. 66.

³⁹ Simiński R. Die lokalen Grenzen in Livland im 13. und 14. Jahrhundert. Entstehung und Funktion // Grenze und Grenzüberschreitung im Mittelalter: 11. Symposium des Mediävistenverbandes vom 14. bis 17. März 2005 in Frankfurt an der Oder / hg. v. U. Knefelkamp, K. Bosselmann-Cyran. Oldenbourg: Akademie-Verlag, 2007. S. 93–106.

⁴⁰ Свидетельством тому является итоговый документ инспекции («визитации») эмиссаров верховного магистра Немецкого ордена от 1442 года (*Kämmereibuch der Stadt Reval 1432–1463* / Bearb. v. R. Vogelsang. Köln, Wien: 1976. № 481).

⁴¹ Шапиро А. Л. Аграрная история северо-запада России: Новгородские пятины. Ленинград: Наука, 1974. 321 с.

<...> по старинному решению по середине в Нарове («стержень»?), по правой [стороне] реки» (*das land und das wasser von Nogharden <...> na der alden schedunge, midde in der Narwe, nach dem rechten strome*)⁴². Две стороны реки фигурируют здесь в качестве самостоятельных административных территорий, где жителям противоположной стороны запрещалось распахивать поля, косить сено, рыбачить, но купцам и послам предоставлялся «чистый», то есть беспрепятственный путь⁴³. В окончательном тексте договора, утвержденного с ходе встречи сторон на Нарове осенью 1420 года, говорится, что все «дела воды и земли» в Принаровье, включая торговые (*koufl. sache*), следует решать на одной стороне служащим (*schaffer*) магистра, а на другой стороне новгородцам, и все это согласно «старинным королевским грамотам» (*nach alten koniglichen breven*)⁴⁴, то есть постановлением датских королей.

Упоминание о «старинном решении» вопроса о наровской границе в грамотах 1420 года заставляет обратиться к документации датского периода. Привилегия датского короля Эрика VI Менведа 1294 года содержит указание на пределы подвластных ему земель в Северной Эстонии — «по нашим землям, а именно, через всю Эстонию и Вирумаа до реки Наровы и оттуда к Новгороду» (*per terras nostras, Estoniam videlicet totam et Wironiam, usque ad fluvium Narwa, et deinde versus Nogardiam*)⁴⁵. Эта формула повторяется и в других датских рескриптах⁴⁶, подтверждая пограничный статус Наровы. Ведущий современный специалист по истории средневековой Нарвы Ю. Кивимяэ отмечает своеобразие административно-правового состояния города при датчанах, которое выражалось в его зависимости как от Ревеля, так и от ливонской ветви Немецкого ордена⁴⁷. 24 января 1345 года замок Нарвы был передан ордену (*domus Theuton. Ierosol.*) «в целях надежного сохранения для датской Короны в земле герцогства Эстонского» (*pro regni Daciae et terra ducatus Estoniae fideliter conservandum*)⁴⁸, то есть на условиях вассальной службы. Спустя полгода датский король Вальдемар III пожаловал горожанам привилегии Эрика Менведа, что говорит о зависимости Нарвы от датской Короны еще до покупки Северной Эстонии верховным магистром Генрихом Дуземером у Вальдемара IV Аттердага для Немецкого ордена (*domus Theuton. Irlm.*) в 1346 году⁴⁹. Годом позже Дуземер передал ее в ведение краевому магистру в составе Ревельской комтурии и двух фогств — в Везенберге (Пайде) и Нарве⁵⁰. В качестве правопреемника датских

⁴² LEKUB 1. Bd. 5. № 2493. Sp. 660.

⁴³ «И никто с немецкой стороны не должен переходить через Нарову <...>. И равным образом новгородцы не должны [позволять] своим людям ходить на Немецкую сторону» (*Und de von der Dutschen siden solen nicht de Narwe gan <...>. Des geleichen sollen die Nogharden erlude nicht gehen uf die Deutschin siden*) (Ibid.).

⁴⁴ LEKUB 1. Reval: Commission bei Kluge und Ströhm, 1867. Bd. 5. № 2511. Sp. 689.

⁴⁵ LEKUB 1. Reval: Commission bei Kluge und Ströhm, 1853. Bd. 1. № 555. Sp. 698.

⁴⁶ LEKUB 1. Reval: Commission bei Kluge und Ströhm, 1855. Bd. 2. № 608. Sp. 9 (1304); № 613. Sp. 19 (1304); № 782. Sp. 314 (1338).

⁴⁷ *Kivimäe J. Medieval Narva: Featuring a small town between East and West // Narva und die Ostseeregion. 2004. S. 18–20.*

⁴⁸ LEKUB 1. Bd. 1. № 828. Sp. 377.

⁴⁹ LEKUB 1. Bd. 2. № 852. Sp. 407–409.

⁵⁰ *Jähmig B. Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seine Herrschaft in Livland. Münster: LIT Verlag, 2011. S. 121.*

королей в отношении русской границы⁵¹ орден унаследовал и ее проблемы. На рубеже XIV–XV веков представители ордена неоднократно встречались с новгородцами по проблемам пограничья, главным образом, связанным с русской торговлей, но кардинальных перемен относительно линии границы тогда не наблюдалось⁵². Во всяком случае широко известный «Нибуров мир» 1392 года вопроса о размежевании границы не касался. Около 1400 года между орденом и Новгородом шли переговоры, в ходе которых новгородцы заявили о желании «иметь половину реки в Нарве» (*wolden den halven stroem to Narwe hebben*)⁵³, в чем им было отказано; право «чистого пути» при пересечении нарвской границы за русскими купцами при этом признавалось⁵⁴. Как сказано выше, раздел реки между немецкой (ливонской) и русской стороной осуществилось лишь в 1420 году, а нереализованные планы новгородцев 1417 года относительно постройки крепости на русском берегу против Нарвы в знак своего присутствия⁵⁵ следует рассматривать в контексте подготовки демаркации.

Значение не вполне понятных или сомнительных средненижнемецких терминов специалисты обычно устанавливают, исходя из смыслового контекста всей фразы, и потому интерпретация выражения *in doder Narwe* потребовала выявления всех зафиксированных в источниках обстоятельств дела об ограблении новгородских и ревельских купцов, совершенном на реке Нарва/Нарова в 1407 году шведскими служителями фогта Выборга Торна Бунде по наущению одного из них, Берндта фон Вреде, чьи товары были арестованы на ганзейском подворье в Новгороде. В связи с этим происшествием возникла цепь коллизий, касающихся определения сфер юрисдикции на немецкой и русской сторонах реки, проблема трудноразрешимая ввиду неразграниченности на тот момент русла реки. Ганзейцы с новгородского Немецкого подворья вкупе с магистратом Ревеля утверждали, что дело имело место в «немецкой Нарове» и его разрешение следовало возложить на фогта Нарвы; ливонский же магистр при поддержке Торна Бунде настаивал, что орден этим заниматься не должен, поскольку купцы были ограблены вне зоны орденской юрисдикции, на русской стороне. Перевод же дискутируемого выражения как «мертвая Нарва/Нарова» в данный ситуативный контекст никак не вписывается. В плане языковедческом надо иметь в виду, средненижнемецкое наречие формировалось под воздействием различных языковых норм, вследствие чего слово «немецкий» наряду с его собственно немецким написанием *dudisch/dusch* обрело формы *duske/duske/dysce*, пришедшие из датского языка, а также *dude/dode*, производные от латинского *Theutonic* и его сокращенных форм *Theuton./Theut.*, широко распространенных в ливонских источниках датского периода. Ввиду этого перевод выражения *in doder Narwe* как «в немецкой (тевтонской) Нарове» представляется вполне уместным,

⁵¹ В 1350 году верховный магистр Генрих Тусмер на правах ландсгерра установил военную повинность населения в границах своих владений — между Наровой и Даугавой/Дюной (*infra terminos autem fluviorum Narviae scilicet et Dunae*) (LEKUB 1. Bd. 2 № 900. Sp. 9).

⁵² *Süvalep A. Narva ajalugu* I. lk. 23–28; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 78–101.

⁵³ LEKUB 1. Bd. 4. № 1555. Sp. 335.

⁵⁴ LEKUB 1. Bd. 4. № 1559. Sp. 337–338.

⁵⁵ LEKUB 1. Bd. 5. № 2142. Sp. 234; № 2150. Sp. 248.

особенно с учетом того, что рассматриваемая в связи с ним ситуация фокусируется на вопросе о юрисдикции Немецкого (Тевтонского) ордена в Ливонии.

Что касается предложения толковать понятие «мертвая Нарва/Нарова» как «старлица», то оно могло бы иметь смысл, благо низменные и болотистые берега Наровы, периодически размываемые водой, способствовали образованию подобных водоемов, однако основная система наровских стариц, за которыми закрепилось немецкое название Старой Наровы (*Alte Narwa*), расположена вдоль верхнего течения реки⁵⁶, в начале XV века недоступного для шведских «авантюристов» из-за Нарвских порогов. Русло же Наровы в его северной части изменилось только в XVI веке, когда остров Киффхольм (Суурсаар) ниже г. Нарвы, традиционное место русско-ливонских и русско-ганзейских переговоров, включая известный русско-ганзейский «саммит» 1498 года, перестал существовать и полностью слился с русским берегом.

Информация о статье:

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00166 «Русско-ганзейская «необычная торговля» в условиях балтийских конфликтов конца XV–XVI века».

Автор: Бессуднова Марина Борисовна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ResearcherID A-9259-2016, Scopus ID 56292134100, SPIN-код 4121-7323; e-mail: magistrmb@gmail.com

Заголовок: «Немецкая Нарва» и «Мертвая Нарова» на новом витке полемики

Резюме: Предметом исследования в данной статье является средненижнемецкое выражение *in doder Narwe*. Автор переводит его как «немецкая (тевтонская) Нарва», отвергая перевод «мертвая Нарва/Нарова», предложенный в 1936 году А. Сюзалепом и поддерживаемый в настоящее время П. В. Лукиным. В качестве аргументов приводится, во-первых, ссылка на ряд лексических особенностей средненижнемецкого диалекта, сформировавшегося в условиях взаимодействия разных наречий, с характерной для него многовариантностью написания слов. Во-вторых, автор предлагает установить смысл спорного выражения, исходя из событийного контекста, который может быть восстановлен с помощью ганзейской переписки. Выражение *in doder Narwe* использовано в документах по делу об ограблении новгородских и ревельских купцов, совершенного на реке Нарва/Нарова в 1407 году шведскими торговыми агентами фогта Выборга Торна Бунде по инициативе Берндта фон Вреде, чьи товары были арестованы на ганзейском подворье в Новгороде. В связи с этим возникла необходимость определить границы юрисдикций немецкой или русской сторон, что было трудно сделать ввиду неразграниченности на тот момент русла реки. Перевод «мертвая Нарва/Нарова» и идентификация ее с притоком Луги Куллакюлы (Мертвицей) в данную ситуацию никак не вписываются, тогда как выражение «в немецкой (тевтонской или орденской) Нарове» представляется вполне уместным, поскольку оно употреблено в связи с юрисдикцией Немецкого (Тевтонского) ордена в Ливонии.

Ключевые слова: Нарва, река Нарова, русско-ганзейская торговля, русско-ливонская граница, Немецкий орден в Ливонии, орденская юрисдикция.

Литература, использованная в статье:

Бессуднова, Марина Борисовна. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Воронеж: Научная книга, 2016. 455 с.

Казакова, Наталья Александровна. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Ленинград: Наука, 1975. 359 с.

Клейнберг, Игорь Эрихович. Борьба Новгорода Великого за Нарову в XV веке // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. № 2. С. 140–151.

Сквайрс, Екатерина Ричардовна, Фердинанд, Светлана Николаевна. Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов. Москва: Индик, 2002. 368 с.

---

⁵⁶ Рябов Д. С. Куда течешь, река Нарова? Путешествие от истоков до Нарвского водохранилища // Новый топонимический журнал. 2014. № 3. С. 4–34.

Ушаков, Артем Владимирович. Дело Бернда фон Вреде в контексте «необычной торговли» в Великом Новгороде начала XV века // Вестник Нижегородского университета. 2021. № 4. С. 84–92.

Шатицко, Александр Львович. Аграрная история северо-запада России: Новгородские пятины. Ленинград: Наука, 1974. 321 с.

Jähnig, Berndhard. Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seine Herrschaft in Livland. Münster: LIT Verlag, 2011. 333 S.

Kämmereibuch der Stadt Reval 1432–1463 / Bearb. v. R. Vogelsang. Köln, Wien: Böhlau, 1976. 746 S.

Kivimäe, Jüri. Medieval Narva: Featuring a small town between East and West // Narva und die Ostseeregion. 2004. S. 17–27.

Schröder, Ingrid. Der Beitrag der Sprachgeschichtsforschung zu einer Hansegeschichte in der Region // Hansegeschichte als Regionalgeschichte / hg. v. O. Auge. Frankfurt a. M. [u. a.], 2014. 2014. S. 173–186.

Simiński, Rafał. Die lokalen Grenzen in Livland im 13. und 14. Jahrhundert. Entstehung und Funktion // Grenze und Grenzüberschreitung im Mittelalter: 11. Symposium des Mediävistenverbandes vom 14. bis 17. März 2005 in Frankfurt an der Oder / hg. v. U. Kniefelkamp [u. a.]. Oldenbourg: Akademie-Verlag, 2007. S. 93–106.

Information about the article:

The study was carried out supported with the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00166, the project «Hanseatic-Russian “unusual trade” under conditions of Baltic conflicts of the late 15th–16th centuries».

Author: Bessudnova Marina Borisovna — Dr. Sc. of History, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University; Web of Science ResearcherID A-9259-2016, Scopus ID 56292134100, SPIN-код 4121-7323; e-mail: magistrmb@gmail.com

Title: «German Narva» and the «Dead Narova» in a new polemics round.

Summary: The subject of research in this article is the Middle German expression in doder Narwe. The author translates it as «German (Teutonic) Narva», rejecting the translation «dead Narva/Narova», proposed by A. Suvalep in 1936 and currently supported by P. V. Lukin. As arguments, firstly, there is a reference to a number of lexical features of the Middle Low German dialect, formed under interaction of different dialects with its characteristic diversity of way of writing words. Secondly, the author submits to set the meaning of the expression under discussing, based on the event context, that could be restored through the use of Hanseatic correspondence. The expression in doder Narwe is used in documents with regard to robbery case of Novgorod and Reval merchants committed on the Narva /Narova River in 1407 by the Swedish trade agents of the Vyborg’s bailiff Thorn Bunde initiated by Berndt von dem Wrede, whose goods were place in arrest at the Hanseatic mission in Novgorod. In this regard, it became necessary to clarify the jurisdictions boundaries of the German or Russian sides, and that was difficult to do due to the fact that the riverbed was not delimited at that time. The translation of «dead Narva/Narova» and its identification with the Luga river tributary called Mervitsa river don’t fit into this situation in any way, whereas the expression «in the German (Teutonic or Order) Narova» seems quite appropriate, since it is used in connection with the German (Teutonic) Order jurisdiction in Livonia.

Keywords: Narva, the Narova River, Hanseatic-Russian trade, Livonian-Russian border, Teutonic Order in Livonia, Order’s jurisdiction.

References:

Bessudnova, Marina Borisovna. *Spetsifika i dinamika razvitiya russko-livonskikh protivorechii v posledney treti XV veka [The specificity and the dynamic of the development of Russo-Livonian contradictions in the last third of the 15th century]*. Voronezh: Nauchnaya kniga Publ., 2016. 453 p. (in Russian).

Jähnig, Berndhard. *Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seine Herrschaft in Livland [Constitution and administration of the Teutonic Order and its rule in Livonia]*. Münster, LIT Publ., 2011. 333 p. (in German).

Kämmereibuch der Stadt Reval 1432–1463. Bearb. v. R. Vogelsang. Köln, Wien: Böhlau, 1976. 746 p. (in German).

Kazakova, Nataliya Aleksandrovna. *Russko-livonskiye i russko-ganzeyskiye otnosheniya. Konets XIV – nachalo XVI v. [Russo-Livonian and Russo-Hanseatic relations. The end of 14th – the beginning of 16th century]*. Leningrad: Nauka Publ., 1975. 359 p. (in Russian).

Kivimäe, Jüri. Medieval Narva: Featuring a small town between East and West, in *Narva und die Ostseeregion*. 2004. Pp. 17–27.

Kleynenberg, Igor' Erikhovich. Bor'ba Novgoroda Velikogo za Narovu v XV veke [The struggle of Novgorod the Great for Narova in the 15th century], in *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Istoricheskiye nauki*. 1960. Issue 2. Pp. 140–151. (in Russian).

Schröder, Ingrid. Der Beitrag der Sprachgeschichtsforschung zu einer Hansegeschichte in der Region [The contribution of linguistic history research to a Hanseatic history in the region], in *Hansegeschichte als Regionalgeschichte*. Ed. by O. Auge. Frankfurt a. M. [a. o.], 2014. Pp. 173–186. (in German).

Shapiro, Alexander Lvovich. *Agrarnaya istoriya severo-zapada Rossii: Novgorodskiy pyatiny* [Agrarian history of the north-west of Russia: Novgorod Pyatinas]. Leningrad: Nauka Publ., 1974. 321 p. (in Russian).

Simiński, Rafal. Die lokalen Grenzen in Livland im 13. und 14. Jahrhundert. Entstehung und Funktion [The local borders in Livonia in the 13th and 14th centuries. Origin and function], in *Grenze und Grenzüberschreitung im Mittelalter: 11. Symposium des Mediävistenverbandes vom 14. bis 17. März 2005 in Frankfurt an der Oder*. Ed. by U. Knefelkamp [a. o.]. Oldenbourg, Akademie-Press., 2007. Pp. 93–106. (in German).

Squires, Ekaterina Richardovna; Ferdinand, Svetlana Nikolaevna. *Ganza i Novgorod: yazykovyye aspekty istoricheskikh kontaktov* [Hansa and Novgorod: Linguistic aspects of historical contacts]. Moscow: Indrik Publ, 2002. 368 p. (in Russian).

Ushakov, Artem Vladimirovich. Delo Bernda fon Vrede v kontekste «neobychnoy trgovli» v Velikom Novgorode nachala XV veka [The case of Bernd von Wrede in the context of “unusual trade” in Veliky Novgorod at the beginning of the 15th century], in *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta*. 2021. № 4. Pp. 84–92.